

ВЛИЯНИЕ НЕОКАНТИАНСТВА НА ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГЕНРИХА ЛАНЦА

О. А. Попова

Саратовский
государственный
университет
им. Н.Г.Чернышевского

e-mail:
popovaolgaz@mail.ru

В статье проводится анализ среды, формировавшей философские представления Генриха Ланца, и приводятся две линии доказательства принадлежности философа к неокантианству: историко-философское обоснование и линия доказательства, опирающегося на содержательную базу его концепции.

Ключевые слова: неокантианство, Генрих Ланц, история философии, критический метод, философия культуры, Герман Коген, Вильгельм Виндельбанд, Марбургская школа, Баденская школа.

Адекватное понимание и оценка творчества Генриха Ланца затрудняется прежде всего тем обстоятельством, что философ не оставил систематического изложения своих взглядов, по крайней мере, таковых пока не найдено. В 1980-х годах американский исследователь, один из авторов книги «*Boris Pasternaks Lehrjahre Neonyбликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака*» Л. Флейшман предпринимал попытку найти какие-либо его записи, но она закончилась неудачей.

По мнению декана факультета Сравнительной литературы Гарвардского университета, профессора У. Миллса Тодда III, трудность в составлении биографии Ланца состоит в том, что философия в таких местах как Стэнфорд, не является в настоящее время той дисциплиной, в истории которой были бы заинтересованы. Мало того, прошло 60 лет, как профессор Ланц преподавал в Стэнфорде, это означает, что самым молодым его ученикам должно быть около восьмидесяти, а коллегам за девяносто, печально, – пишет профессор, – но факт¹.

Основным и решающим было влияние философии Канта и неокантианских школ. Во многом благодаря тому, что Г. Ланц учился сначала у В. Виндельбанда, затем у Г. Когена, имел научные контакты с Н. Лосским, Б. Яковенко, Б. Пастернаком, базисные идеи неокантианства, чьи мотивы наиболее четко прослеживаются в его трудах, были восприняты им как несомненные основополагающие философско-методологические принципы научного исследования. Он занимался преимущественно у Виндельбанда и Ласка, в июле 1910 году сдал докторский экзамен, в 1911 году защитил диссертацию «*Проблема предметности в современной логике*»², первая часть которой была посвящена «учению Канта об объективности», часть вторая представляла «психологическое учение о предметности» Маха и Авенариуса, третья рассказывала о гуссерлианской «трансцендентной школе», а последняя – об «имманентной школе» Шuppe.³ Получив у Виндельбанда докторскую степень, Ланц отправился в 1912 году слушать лекции Когена в Марбурге.

После возвращения в Россию, Ланц начинает активно публиковаться в отечественных научных изданиях. Выходивший в 1910-1914 годах журнал «Логос» знакомил читателей с работами немецкого и российского неокантианства. Главной идеей издателей международного ежегодника было формирование нового мировоззрения и даже новой «философской культуры», что стало бы философским ответом на запросы эпохи, требования которой давно казались многим чрезмерными. Специфическая неокантианская культурфилософская проблематика была определяющей в научно-издательской деятель-

¹ Факты получены в результате личной переписки автора с профессором Уильямом Миллсом Тоддом III.

² Lanz H. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik: I. Kants Lehre von der Objektivität: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Heidelberg, 1911.

³ Статья была опубликована позже: Lanz, Heinrich. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modern Logik. Berlin: Reuter & Reichard, 1912. 166 S. – (Kant-Studien. Ergänzungshefte im Auftrag der Kantgesellschaft, hrsg. Von H. Vaihinger, B. Bauch und A. Liebert. Nr. 26).

ности «Логоса», поэтому логичным было бы говорить о том, что сотрудничество Ланца с этим журналом демонстрирует стремление философа быть причастным к неокантианской традиции.

Инициаторами создания ежегодника были ученики В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Доктор Крамме приводит слова Г. Риккерта, давшего название журналу: *«Без сомнения, участвовавшие в создании немецкого «Логоса» русские редакторы, которые своей энергией и предприимчивостью весьма способствовали реализации замысла, а затем в мирное время поддержали немецкий «Логос» в финансовом отношении настолько, что он оказался в состоянии платить очень хорошие гонорары (например, выше, чем в журнале «Kant-Studien») и тем самым вступить в успешное соревнование с уже существовавшими ранее философскими журналами, — без сомнения, теперь они имеют право вновь вернуться к реализации своей первоначальной идеи. Они принадлежат (в том числе и юридически) к числу владельцев «Логоса»⁴*. Культура, междисциплинарность и международность, по определению ученого, были теми столпами, на которых покоился весь замысел «Логоса».

Для Г. Ланца, как и для многих других членов русской редакции журнала «Логос», обучение в Германии и непосредственный контакт с виднейшими представителями неокантианства Виндельбандом и Когеном — это время идейного самоопределения. В понимании Ланца, как и В. Виндельбанда, *«кантианство [...] уже не состоит как для большинства интерпретаторов его времени в теории познания естественных наук и скептическом отмежевании от метафизики, а становится исторически ориентированной философией культуры»⁵*. В этом смысле максима Вильгельма Виндельбанда: *«Понять Канта означает его превзойти»* актуальна и для его ученика. Баденское направление неокантианства, а именно Генрих Риккерт, дало «формулу «науки о культуре» (Kulturwissenschaft)⁶».

Поэтому изучение и анализ культуры у Генриха Ланца проходили в контексте осмысления философии культуры неокантианства. В его критической философии эстетические переживания подчинены абсолютному долгу. Как ученого, потратившего значительное время на изучение философии Баденской школы неокантианства и на обучение у главы этой школы, Ланца, бесспорно, волновала проблема ценностей в философии культуры. Он затрагивает вопрос возможности позиционирования изучения ценностей как знания. В итоге Ланц приходит к выводу, что *«хотя в физической природе ценности и цели не существуют, они, несомненно, являются неотъемлемой частью нашей поведенческой среды. И хотя мы можем творить свои ценности, мы, тем не менее, изучаем огромную их часть в процессе их творения. И то, что мы изучаем, составляет наше знание...»⁷*. Таким образом, Генриха Ланца, как одного из первых последователей немецкого неокантианства, в том числе Баденской его ветви, можно назвать одним из тех, кто стоял у истоков философского анализа культуры.

Проследивая тенденцию приверженности Ланца неокантианским идеям, мы будем следовать двум линиям доказательства:

1. линии историко-философского доказательства;
2. линии доказательства, опирающегося на содержательную базу концепции Генриха Ланца.

Подвергая рассмотрению первую линию обоснования, необходимо, прежде всего, говорить о тех историко-философских темах, к которым обращается Ланц. *«Представить непрерывную связь философских проблем в целом человеческой культуры»* — такова цель написания истории философии, по Когену, ставшая парадигмальной установкой неокантианства марбургской школы: *«Философские проблемы и тем более новые не решены настолько, что можно было бы заниматься их изложением без деятельнейше-*

⁴ Kroner R. Brief an Werner Siebeck vom 21.01.1923 // Verlagsarchiv J.C.B.Mohr (Paul Siebeck), Tübingen. Цит. по: Крамме Р. «Творить новую культуру» — «Логос» 1910-1933 // Социологический журнал. 1995, № 1, С. 122-136.

⁵ Белов В.Н. Неокантианство. Саратов, 1999. С. 5.

⁶ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 127.

⁷ Lanz H. Aesthetic relativity // Stanford University. University Series. Language literature, v. 7, no. 1 AMS Press, Inc. New York, 1967. P. 5.

го участия и постоянного влияния собственного мировоззрения. Они находятся еще в непрерывном развитии, и мы сами с напряженнейшим интересом нашей субъективности погружены в них и воздвигаем их объективное освещение»⁸.

Исследуя труды Ланца, мы обнаруживаем его интерес к неокантианской проблематике. Одной из них является исследование философских взглядов Фихте. Интерес к философии Фихте зародился в Германии – в Марбурге Коген посвящает его воззрениям ряд работ⁹. В «Фихтеане» реализовалась первая задача русского неокантианства, сформулированная Б.В. Яковенко, – задача по изучению источников философской мысли и написанию собственных трудов о мыслителях-классиках. Некоторые исследователи утверждают, что обращение русских неокантианцев к философии Фихте шло в русле «скрытой или явной полемики с ортодоксальной русской религиозно-православной философией» и «вполне определенной ориентации на некоторые идеи современной им западной философии»¹⁰. Одним из первых, кто наметил это исследовательское направление в русской «Неокантиане», был Б.П. Вышеславцев, вслед за Когеном рассматривавший взгляд Фихте на социальный вопрос как на вопрос этический. Ланц занимает в русской «Фихтеане» особое место и по количеству его статей и по обстоятельности его исследований¹¹. Он проводит подробный анализ биографии Фихте, связывая ее с проблемами, поднимаемыми философом и особенностью их решения. Главным образом, Ланц рассматривает проблему свободы в философии Фихте. Но важно, по мнению Ланца, что идея моральной революции, совершенной Фихте, была заложена Кантом. Поэтому Фихте является кантианцем не только как завершитель и продолжатель теоретического воззрения Канта, не только потому, что «его исходный пункт, как обычно выражаются историки, лежит в трансцендентальной апперцепции», но главным образом потому, что основа и цель его системы совпадают с кантовской. Обоснование этической свободы делает его «историческим преемником Канта»¹².

Обращение к философским идеям мыслителей-классиков у русских неокантианцев не ограничивалось, однако, исследованиями Фихте. Неокантианцы часто посвящали свои работы вопросам древнегреческой философии, прежде всего Платону. Их анализ проводился с точки зрения трансцендентального метода. Интерес к подобной тематике отмечают не только у представителей российского неокантианства, но и, прежде всего, неокантианства немецкого¹³. Говоря о себе как о представителе Марбургской школы неокантианства и объединяя свое направление философских воззрений с направлением Когена, Наторп пишет: «Мы стремимся углубить Канта посредством Платона»¹⁴. Ланц же, продолжая данную линию, считает, что платонизм является «источником трансцендентального идеализма, который в системе Платона превращается в глубокий исторический поток»¹⁵. Статьи о Платине русских неокантианцев вписываются в общую логику интерпретации идей в направлении «плотинизации» Платона. Русские исследования о Платине продолжили одно из направлений Марбургской школы¹⁶: Ланц полага-

⁸ Cohen H. Zur Controverse zwischen Trendelenburg und Kuno Fischer // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1871. Bd. 7. № 3. S. 292.

⁹ Cohen, Hermann. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntnis. Berlin: Cassirer, 1902. 520 S.

¹⁰ Философия Фихте в России / Ред. сост. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: РХГИ, 2000. – 368 с.

¹¹ Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122 № 2. С. 227-282; Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122. С. 65-119; Памяти Фихте // Русская мысль. 1914. Кн.6. С. 42-51; Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. М.-СПб. 1914. Т. 1, Вып. 1. С. 1-23.

¹² Ланц Г.Э. Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. М.-СПб. 1914. Т. 1, Вып. 1. С. 4.

¹³ Коген начинает эту традицию своей работой 1879 года «Platos Ideenlehre und die Mathematik», опубликованной в сборнике: Schriften zur Philosophie und Zeitgeschichte. Hrsg. Von A. Görland, E. Cassirer. Bd. I Berlin: Akademie, 1928.

¹⁴ Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 147-294.

¹⁵ Ланц Г.Э. Момент спекулятивного трансцендентализма у Платона // Журнал министерства народного просвещения. 1914, Ч. 49. №1. С. 93.

¹⁶ Среди марбуржцев тех, кто обратился к исследованию философии Платона, можно назвать К. Хорста с его работой «Предварительный эскиз к новому исследованию эстетики Платона» и вторая часть исследования Г. Фальтера «Beiträger zur Geschichte der Idee», посвященная Филону и Платону.

ет, что не следует искать в философии Плотина «чистого трансцендентализма в узком смысле, который имеет слишком тесную связь с наукой и базируется на понятии платоновского гипотезиса», поскольку платиновский «спекулятивный трансцендентализм» идет «не в ширь научных понятий, а в глубь самих философских категорий», в нем раскрывается «не логика науки, а логика самой философии» и выражается «требованием тождества между бытием и мышлением»¹⁷. В ходе «исторического анализа трансцендентально-спекулятивного момента в системе Плотина»¹⁸ Ланц находит, что «момент иррационального» «скрыт в недрах» души, поскольку именно «душа объединяет в себе как функцию понятия, так и функцию материи, то есть является гносеологическим субъектом во всей его полноте». И хотя, по Плотину, момент иррационального и есть то, «что отличает объективный и действенный предмет от самой логической предметности», Ланц считает, что «такой способ решения проблемы объективности» приводит в истории философии к неразрешимым противоречиям. Гораздо более продуктивным, по мнению Ланца, должен быть метод, базирующийся в решении этой проблемы на платиновском понятии «рефлексии» и «Единого»¹⁹.

Проследивая историко-философскую линию доказательства, следует отметить, что наряду с этой историко-философской тематикой особую важность для неокантианцев, приобретает «проблема рационального и иррационального и их взаимоотношения». Анализ ее начался в рамках полемики с представителями религиозно-мистического направления: «В этих дебатах не только оттачивалось полемическое мастерство обеих сторон, но постепенно повышался и общий уровень философствования [...] Так постепенно решалась вторая задача, поставленная перед собой русскими неокантианцами»²⁰. Под «иррациональным» неокантианцы понимали психическое, интуитивное, в конечном счете – индивидуальное. Русские неокантианцы прекрасно понимали, что «то решение проблемы о рациональном и иррациональном, которое давалось современными им сторонниками «чистой логики», могло быть неудовлетворительным, так как в нем «иррациональному» отводилась чересчур малая роль»²¹. К проблеме «иррациональности» устремили свои взгляды российские неокантианцы В.Э. Сеземан, С.И. Гессен, Б.В. Яковенко. Г. Ланц также обратился к этой тематике, опубликовав после революции свою статью на английском языке «Иррациональность рассуждения»²².

Опираясь на логические доказательства, Ланц говорит о том, что нельзя понимать окружающие нас явления как просто сложенные вместе разрозненные элементы: «Оставаясь в рамках атомистической логики, то есть, начиная с индивидуальных терминов, приходим к заключению, что термины, находящиеся в логическом отношении друг с другом, не складываются в общую сумму терминов и отношений, а выдвигают или определяют что-то новое, изначально не содержащееся в терминах либо отношениях, либо и в том и в другом. Утверждать, что в этом нет новизны, и что цельность этих терминов и отношений невозможна и невнятна, значит игнорировать то, что действительно происходит в нашем разуме, когда мы думаем»²³. То же самое, утверждает Ланц, характерно и для сферы мышления: «Верить в то, что мышление – это процесс суммирования, что для создания новой идеи достаточно подобрать пару терминов и нанизать их как бусы, настолько же абсурдно, и даже больше, как верить в то, что Адам и Ева каким-то образом были созданы из земли руками Господа. Это эпистемо-

¹⁷ Ланц Г.Э. Момент спекулятивного трансцендентализма у Плотина // Журнал министерства народного просвещения. 1914, Ч. 49. №1. С. 87-88.

¹⁸ Там же, С. 138.

¹⁹ Там же, С. 132-133.

²⁰ Дмитриева Н.А. Кантианство на рубеже XIX-XX веков: к истории неокантианских школ в России // Иммануил Кант: наследие и проект. Научное издание [Текст] / Под ред. В.С. Степина, Н.В. Моторошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 246.

²¹ Алексеев Н.Н. Опыт построения философской системы на понятии хозяйства (Сергей Булгаков, Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. Москва, 1912) // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 115. С. 728.

²² Lanz H. The irrationality of reasoning // The Philosophical Review. Vol. XXXV, №4. New York, 1926, July. P. 340-359.

²³ Ibid P. 349.

логическая магия. Процесс мышления – это процесс творческий. Создание «четвертого» элемента (*i*-элемента) должны признать даже те, кто начинал с атомистического допущения неопределяемых терминов»²⁴. Ланц вводит понятие *i*-элемента, понимаемого как элемент иррациональности, только при наличии которого возможно говорить о цельном явлении. При этом «элемент» в данном случае означает не «термин» или «часть», он употребляется Ланцем в качестве несущей структуры или природы идей. Это сущность идеального мира, нечто из чего «сотканы все наши идеи», и с помощью чего идеальные и логические структуры обладают цельностью и индивидуальным значением. Элемент-*i* – это символическое представление и прямое подтверждение иррационального элемента в структуре и существовании идей. Важным считаем отметить тот факт, что рассмотрение проблемы иррационального в неокантианстве всегда пронизывался критическим мышлением. У Ланца, так же как у Наторпа и Кассирера, полагание иррационального в основание размышлений воплощало стремление расширения границ рационального, а не абсолютизации философской системы²⁵.

Формирование *второй* доказательной линии следует построить с опорой на основные содержательные положения, характерные для неокантианства в целом и поднимаемые Ланцем, как приверженцем данной традиции, в его философских построениях. По отношению к кантовской системе в неокантианских школах сложились некоторые общие установки: в системе философских дисциплин приоритетным была гносеология, прежде всего, как *теория научного познания*, во-вторых, для неокантианцев характерна та особенность, что развитый ими *критический метод* Канта, который получил название трансцендентального, позволил саму философию поднять на уровень науки. При анализе работ Генриха Ланца мы видим, что с самого начала ему была близка подобная система мышления. Следует подчеркнуть, что на философский факультет Московского университета Ланц перевелся с математического, отучившись там два года. Это, возможно, сыграло определенную роль в том, что все свои философские умозаключения он делал с постоянной опорой на факты науки: математику, физику, биологию.

В своей англоязычной статье «Сила и ускорение»²⁶ он описывает суд над силой и ускорением, произошедший в среде небесных сил, связанный с беспокойностью, вызванной выходом книги Эддингтона – «Природа физического мира». При всей, казалось бы, аллегоричности своего рассуждения, Ланц опирается на факты физики на очень высоком профессиональном уровне. Таким же высоким профессионализмом, но уже в биологии, отличается его статья «Род и вид»²⁷. Все логические умозаключения он проводит, опираясь на понятия рода и вида в биологии: «С объективной точки зрения ясно, что способ взаимодействия между родом и отличительным признаком нельзя адекватно выразить простым добавлением. Определяя, например, птицу, как имеющее череп позвоночное животное с крыльями, мы не добавляем крылья к чему-то «бескрылому». Имеющее череп позвоночное животное как род является ни крылатым, ни бескрылым. С другой стороны, лишив птицу крыльев, перьев, клюва или чего-либо еще, имеющего отношение к характеристике данного класса, мы получим изуродованную птицу, а не позвоночное животное, как таковое, имеющее череп»²⁸. Сложность, по мнению Ланца, состоит не в нашей «неспособности создать обций мысленный образ «имеющего череп позвоночного животного» (за что Юм осуждал Локка), а в чисто объективной невозможности значения»²⁹.

Отказ от построения теорий субъекта и перекладывание этой проблемы на откуп психологии является третьей особенностью неокантианской программы. Именно психологизм неокантианцы называли своим врагом. Коген защищал кантовскую фило-

²⁴ Ibid.

²⁵ См. напр., Natorp P. Selbstdarstellung // Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Hrsg. von P. Schmidt. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1923. S. 161–190.

²⁶ Lanz H. Force and Acceleration. A Dialog // Der Russische Gedanke. 1929/30. H 3. P. 253–264.

²⁷ Lanz H. Genus and Species // The Philosophical Review. Vol. XXXIII, № 5 New York, 1924. September. P. 463–478.

²⁸ Ibid, P. 464.

²⁹ Ibid.

софию от Гербарта, Фриза, у Шопенгауэра, Бенеке, укреплявших психологическую основу кантовской гносеологии, Гельмгольца и Ланге, обосновывавших философию Канта с помощью психофизической природы человека³⁰. Подобное исключение психологизма из процесса познания схоже с позитивистскими установками, поэтому неокантианство часто причисляли к позитивизму³¹. Ланц, рассматривая проблему психологизма в логике, говорил о том, что необходимым является не просто исключение психологизма из «царства логических значимостей». Не менее важным он считал изучать и психическое независимо от логического, то есть «освободить психологию от логики», от чего выигрывает сама логика³².

Четвертым пунктом является обоснование и защита рациональности культуры. С точки зрения неокантианства, философия трансцендентального идеализма, созданная Кантом, и есть философия культуры. П. Наторп сформулировал эту мысль так: «Если нам в качестве важного нового требования предъявляют требование дать «философию культуры», то мы можем только ответить: мы имеем философию Канта, то есть впервые имеем настоящую философию трансцендентальной методологии, которую мы, исходя из Канта, и старались провести строже и последовательнее, с самого начала понимая и характеризуя ее как «философию культуры»³³. Свои поиски в области теории познания неокантианцы через анализ точных наук распространили на все остальные науки и на все культурные феномены, что стало возможным благодаря понятию значимости, или ценности: определенность значимости лежит в основе определенности культурных феноменов. Неокантианцы Баденской школы саму философию трактовали как «учение об общезначимых ценностях»³⁴ и усматривали задачу философии в том, чтобы «истолковать смысл человеческой жизни на основе учения о значащих ценностях»³⁵. В трудах Виндельбанда, Риккерта и других мыслителей теоретически обосновывались причины «распада бытия на реальность и ценность»³⁶.

В Марбургской школе неокантианства, методологически ориентированной на математическое естествознание, понятие «ценность» не играло такой роли, как в Баденской школе, принадлежавшей к трансцендентально-психологическому направлению неокантианства. Однако Коген говорил о главной дисциплине среди наук о культуре. Он сводил моральные ценности к праценности, рассматриваемой им как достоинство человека, тождественное самой человеческой природе³⁷. В понимании Ланца, владение фактическим материалом очень важно, но практические данные должны быть, по мнению философа, главным образом базой для изучения культуры как феномена цельного: «Иза разногласия мы позабыли абстрактные сферы эстетических теорий и опустили до уровня практического восприятия искусства»³⁸. Сущность культуры представлена Генрихом Ланцем не просто в рамках исследования отдельных фактов из истории мировой культуры, а как методологическое начало при формировании его философских представлений. Неокантианский критицизм здесь понимается как трансцендентально-логическая философия культуры.

³⁰ Круглов А.Н. Трансцендентализм в философии. М., 2000. С. 108-109.

³¹ Н.А. Бердяев, например, называет Когена «решительным врагом метафизики и самым настоящим позитивистом». См.: Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Правда, 1990. С. 428.

³² Ланц Г. Философия Рихарда Авенариуса // Логос, М., 1912 кн. 2 № 3. С. 227.

³³ Наторп П. Кант и Марбургская школа // Новые идеи в философии. Непериодическое издание под ред. Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. 5. СПб.: «Образование», 1913. С. 128.

³⁴ Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т.2: от Канта до Ницше. СПб., 1913. С. 387.

³⁵ Риккерт Г. О системе ценностей // «Логос», М., 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 46.

³⁶ Другую линию развития аксиологических вопросов, связанную с переоценкой ценностей, с середины XIX века развивает Фридрих Ницше, начиная с «Рождения трагедии из духа музыки» вплоть до незавершенной им «Воли к власти».

³⁷ См.: Cohen H. System der Philosophie. Т. 3: Ästhetik des reinen Gefühls. Erster Band. Berlin: Cassirer, 1912. – XIV, S. 225-226, 236.

³⁸ Lanz H. Aesthetic relativity // Stanford University. University Series. Language literature, v. 7, no. 1 AMS Press, Inc. New York, 1967. P. 9.

Философские построения Г. Ланца обладают высокой ценностью не только в рамках истории русской мысли, но и далеко за ее пределами. Однако историческая ситуация сложилась так, что наследие Г. Ланца длительное время находилось вне сферы исследовательского интереса мировой историко-философской мысли, с другой стороны, концепция Ланца, как опыт синтеза религии, философии и науки с той метафизикой, антропологией и историософией, которую развил Ланц, чужда современным философам. Наибольшая ценность построений Ланца заключается именно в их синтетическом замысле.

Список литературы

1. Lanz, H. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modern Logik. Berlin: Reuter & Reichard, 1912.
2. Белов В.Н. Неокантианство. Саратов, 1999.
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
4. Lanz, H. Aesthetic relativity // Stanford University. University Series. Language literature, v. 7, no. 1 AMS Press, Inc. New York, 1967. P. 3-20.
5. Cohen, H. Zur Controverse zwischen Trendelenburg und Kuno Fischer // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1871. Bd. 7. № 3.
6. Cohen, H. System der Philosophie. Т. 1: Logik der reinen Erkenntnis. Berlin: Cassirer, 1902.
7. Философия Фихте в России / Ред. сост. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: РХГИ, 2000.
8. Ланц Г. Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122 № 2. С. 227-282.
9. Ланц Г. Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн.122. С. 65-119.
10. Ланц Г. Памяти Фихте // Русская мысль. 1914. Кн.6. С. 42-51.
11. Ланц Г.Э. Свобода и сознание: (К столетию со дня смерти И. Фихте) // Логос. М.-СПб. 1914. Т. 1, Вып. 1. С. 1-23.
12. Наторп П. Избранные работы. М., 2006.
13. Ланц Г.Э. Момент спекулятивного трансцендентализма у Плотина // Журнал министерства народного просвещения. 1914, Ч. 49. №1. С. 84-138.
14. Дмитриева Н.А. Кантианство на рубеже XIX-XX веков: к истории неокантианских школ в России // Иммануил Кант: наследие и проект. Научное издание [Текст] / Под ред. В.С. Степина, Н.В. Моторошиловой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.
15. Алексеев Н.Н. Опыт построения философской системы на понятии хозяйства (Сергей Булгаков, Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. Москва, 1912) // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 115. С. 704-735.
16. Lanz H. The irrationality of reasoning // The Philosophical Review. Vol. XXXV, №4. New York, 1926, July. P. 340-359.
17. Natorp P. Selbstdarstellung // Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Hrsg. von P. Schmidt. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1923.
18. Lanz H. Force and Acceleration. A Dialog // Der Russische Gedanke. 1929/30. Н. 3. P. 253-264.
19. Lanz H. Genus and Species // The Philosophical Review. Vol. XXXIII, № 5 New York, 1924. September. P. 463-478.
20. Крутлов А.Н. Трансцендентализм в философии. М., 2000.
21. Бердяев Н.А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Правда, 1990.
22. Ланц Г. Философия Рихарда Авенариуса // Логос, М., 1912 кн. 2 № 3. С. 205-241.
23. Наторп П. Кант и Марбургская школа // Новые идеи в философии. Непереодическое издание под ред. Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. 5. СПб.: «Образование», 1913.
24. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т.2: от Канта до Ницше. СПб., 1913.
25. Риккерт Г. О системе ценностей // «Логос», М., 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 43-52.
26. Cohen H. System der Philosophie. Т. 3: Ästhetik des reinen Gefühls. Erster Band. Berlin: Cassirer, 1912.
27. Крамме Р. «Творить новую культуру» – «Логос» 1910-1933 // Социологический журнал. 1995, № 1. С. 122 – 136.

INFLUENCE OF THE NEOKANTIANISM ON THE PHILOSOPHICAL IDEAS OF HENRY LANZ

O. A. Popova

Saratov State University

e-mail:

popovaolga24@mail.ru

The article gives an analysis of the environment that shaped the philosophical ideas of Henry Lanz and grants two lines of the demonstration of the philosopher's belonging to the Neokantianism: historical and philosophical ground and the line of the demonstration that relies on the substantial basis of his concept.

Key words: Neokantianism, Henry Lanz, history of philosophy, critical method, philosophy of culture, Hermann Cohen, Wilhelm Windelband, the Marburg school, the Baden school.